
Виолетта
Весна
НЕНУЖНАЯ
ЖЕНА
Чужие дети
СТАНУТ МОИМИ

Виолетта Весна

Ненужная жена. Чужие дети станут моими

«Автор»
2026

Весна В.

Ненужная жена. Чужие дети станут моими / В. Весна — «Автор», 2026

— Максим обещал признать детей. Сказал, что поговорит с вами и все уладит.Я смотрела на незнакомую женщину, сидевшую напротив меня. Со дня похорон мужа не прошло и двух недель.— Каких детей?Так я узнала о Матвее и Соне. Их мать умерла, отец унес свою тайну в могилу, а состоятельные родственники предпочли забыть об их существовании.Мне следовало держаться подальше от этой семьи. Разобраться с наследством, вернуться к любимой работе, позволить себе роман с привлекательным мужчиной, который давно искал моего общества.Только теперь по вечерам мне звонила маленькая девочка и обстоятельно рассказывала, как прошел ее день. А ее старший брат однажды спросил, можно ли оставить у меня дома свои игрушки.Я еще не знала, что отвечу, когда они попросят остаться.

© Весна В., 2026
© Автор, 2026

Содержание

Глава 1. Белая рубашка 5
Глава 2. Голубые цветочки 12
Глава 3. Колесо от машинки 22
Конец ознакомительного фрагмента. 27

Виолетта Весна
Ненужная жена. Чужие дети станут моими

Глава 1. Белая рубашка

В коробке, которую я собрала за четыре дня до смерти Максима, лежали два свитера, папка с документами, запасной зарядник, фотография бабушки и маленький синий заварочный чайник. Чайник я купила еще до замужества. Муж его не любил: говорил, что в доме с хорошей кофемашиной незачем возиться с заваркой. Последние лет десять он простоял у нас на верхней полке кухонного шкафа, а когда я решила уехать, почему-то вспомнила именно о нем.

Я сидела на полу в спальне и перебирала вещи. На улице дворник возил по асфальту метлу, из открытого окна тянуло сыростью. С похорон прошло три дня, и в первый раз с утра мне удалось остаться одной в квартире. Никто не спрашивал, как я себя чувствую, не поправлял цветы у портрета Максима, не напоминал, что мне надо поесть.

В этот понедельник я собиралась отвезти коробку в бабушкин дом. Следом должна была перевезти одежду и фототехнику. Максиму намеревалась сказать обо всем вечером, когда он вернулся бы с работы. Даже придумала, с каких слов начну, хотя прекрасно знала, что он перебьет меня прежде, чем я успею договорить.

Мы прожили вместе четырнадцать лет. За это время я научилась выбирать момент, когда мужу можно сообщить неприятную новость. Не перед завтраком, потому что он спешил. Не сразу после работы, потому что устал. В воскресенье он хотел отдыхать. В гостях мы не обсуждали личное, а в машине он просил не отвлекать его разговорами. Уходить от Максима оказалось проще, чем дождаться удобного случая поговорить с ним об уходе.

Сверху на вещах лежала связка ключей. В июле я заменила замок в бабушкином доме, сама нашла мастера и заплатила ему из денег, отложенных за несколько небольших съемок. Максиму сказала, что надо привести дом в порядок перед осенью. Он обрадовался моей хозяйственности и посоветовал заодно узнать, сколько сейчас стоит земля в том районе. Ему давно хотелось продать участок.

Я тогда промолчала. В тот вечер мне было приятно сидеть на бабушкиной кухне с открытой форточкой и знать, что здесь я могу оставить кружку на столе, лечь спать в восемь или до двух ночи обрабатывать фотографии. А еще я могла пригласить подругу и не прислушиваться к тому, как муж в соседней комнате прибавляет громкость телевизора.

Теперь ключи лежали у меня на ладони, и я не понимала, что делать с коробкой. Вещи можно было вернуть на места. Никто больше не возразил бы, если бы я достала синий чайник и заварила в нем смородиновый лист.

Я расплакалась именно из-за этой глупости. Не у гроба, где Лидия Павловна держала меня под руку и так сильно сжимала пальцы, что у меня остались красные следы. Не на кладбище, под звуки лопат и невнятный шепот за спиной. А здесь, на ковре, среди свитеров, с чайником, которому наконец нашлось место на моей собственной кухне.

Я отнесла чайник на кухню, вымыла и поставила рядом с сахарницей. В холодильнике еще оставалась еда с поминок, но я позавтракала хлебом с маслом.

Я успела позавтракать и принять душ, прежде чем в дверь позвонили. Через несколько секунд в замке повернулся ключ. Лидия Павловна вошла, придерживая локтем сумку, из которой торчал бумажный пакет с хлебом. Следом за ней появился Виктор, старший брат Максима.

— Ты почему не отвечаешь? — спросила свекровь.

Телефон оставался на зарядке в спальне. Звук я отключила еще на кладбище.

— Не слышала. Доброе утро.

— Вот, свежий привезла. — Она протянула мне пакет. — Ешь хоть что-нибудь?

— Ем, не переживайте.

Лидия Павловна разделась, аккуратно повесила жакет и задержалась у комода, где стояла фотография Максима. На ней ему было сорок. Мы отмечали его день рождения в ресторане на набережной, и я снимала гостей. В конце вечера он вышел на террасу, расстегнул ворот рубашки и попросил сделать ему приличный портрет для сайта предприятия. Именно этот снимок выбрали для похорон.

Свекровь коснулась пальцем края рамки.

— Все жду, что позвонит. Вчера с Виктором ехали мимо его дома, ну, здесь мимо, и я хотела сказать, чтобы поднимались. Привычка такая. А потом вспомнила.

Она говорила, глядя на фотографию, и мне было тяжело видеть ее лицо. Я подошла, обняла ее за плечи. Лидия Павловна прижалась ко мне, всхлипнула, но почти сразу отстранилась и полезла в сумку за платком.

— Не надо, Наденька. А то снова разойдусь, а нам еще столько всего сделать.

На кухне она развернула список родственников, которых нужно было позвать на девятый день. Я пообещала заказать столик в кафе.

— А в церковь вместе поедем. В семь за тобой заедем. Только кофту черную надень, с длинными рукавами. И побудь пока дома, с близкими. Не надо никуда уезжать.

Виктор, успевший приготовить себе кофе, поставил чашку на блюдце.

— Мам, дай человеку самому решить. Надь, у меня к тебе другое дело. Я с нашим бухгалтером вчера разговаривал. Нужно начать с документами разбираться, пока все под рукой.

— Какими документами?

— На квартиру, на машину. И на склад на Промышленной. У меня копия старого договора есть, а оригинал где-то у Макса хранился. Ты случайно не знаешь где?

Склад я знала. После смерти отца братья разделили имущество, и это длинное кирпичное здание с пристройкой отошло Максиму. Виктор держал там часть товара своего предприятия. Я несколько раз приезжала туда фотографировать новые образцы плитки для каталога. Зимой приходилось работать в куртке: отопление было только в двух маленьких кабинетах при входе.

— Посмотрю в папках, — ответила я. — Но, по-моему, Максим оставлял бумаги в офисе.

— Вот и я так думаю. Договор аренды весной заканчивается, а с крышей и воротами там возиться надо. Я готов выкупить склад, если с тобой и с мамой по деньгам сойдемся. Когда наследство оформите, конечно.

— Витя, до девяти дней хоть потерпи, — перебила его Лидия Павловна.

— Мам, у меня там люди работают! Мне надо заранее понимать, что делать. Надь, ты просто имей в виду.

Я кивнула. Даже сколько Виктор платил за аренду, не знала. Когда однажды спросила Максима о наших доходах на случай, если он останется без работы, муж поинтересовался, не собралась ли я замуж за другого и не прикидываю ли приданое.

Виктор допил кофе и встал.

— Я сегодня в офисе до четырех. Если есть силы, приезжай, заберешь личное. Дам ключ от кабинета Макса, спокойно посмотришь. Сотрудников предупрежу.

— Приеду после обеда.

— Никаких бумаг сгоряча не выбрасывай. Что не знаешь, оставляй в столе, мы потом разберемся.

После ухода Виктора свекровь попросила отдать ей шерстяной шарф сына. Я нашла его в комоде, села рядом с ней.

— Я ему в детстве такие вязала. Вечно ворчал, колется, а сам все время простужался. Помнишь, на свадьбе тоже?

Помнила. Максим потащил меня фотографироваться к Волге, где дул сильный ветер, а потом полночи кашлял. Я бегала в аптеку и гордилась, что у меня теперь есть муж, о котором можно заботиться. Мы тогда жили в съемной квартире, делили один шкаф и собирались завести ребенка, когда встанем на ноги. Квартира у нас со временем появилась. Потом была машина, ремонт, очередной трудный год. Когда я предложила обоим провериться у врача, Максим отмахнулся: зачем искать болезни, которых нет? К тридцати пяти я устала первой заводить этот разговор. А еще позже поняла, что уже не хочу рожать от него.

— Вы забирайте шарф, — сказала я свекрови. — И если еще что-нибудь захотите, скажите мне.

— Потом. Пусть пока все полежит. Не могу я на пустое место смотреть.

Вместе с шарфом она забрала нашу свадебную фотографию. Проводив ее, я обнаружила на телефоне сообщение от Даши: «Надь, позвони, когда сможешь. По работе тоже надо поговорить».

Я набрала ее номер.

— Наконец-то, — выдохнула она. — Я уже хотела приехать. Ты как?

— Лидия Павловна только что ушла. Мне сейчас хорошо одной, Даш. Правда.

— Ладно, напрашиваться не буду. Помнишь трамвайную мастерскую, про которую мы еще в августе говорили? Нам подтвердили доступ, смету утвердили. Не придется бесплатно ползать по полу ради прекрасного искусства. Если не можешь, скажи, я попрошу перенести съемку.

Я рассмеялась. Неожиданно даже для себя. Даша была единственным человеком, которому я успела рассказать, что собираюсь уйти от Максима.

— Не надо переносить. Пришли условия и контакт. Я возьмусь.

Мы обсудили съемку. Я поставила заряжаться аккумуляторы и в начале второго отправилась в офис Виктора.

На лестнице меня остановила соседка. Сказала, что еще в среду видела Максима: здоровый, бодрый, спешил на работу. Я тоже видела его тем утром. Он застегивал в прихожей часы и просил принять посылку. Около полудня позвонил Виктор. Потом были больница, коридор с желтыми стенами, незнакомые врачи, которые знали о состоянии моего мужа больше, чем я. Спасти его не удалось. Никаких приготовлений к смерти у нас не было. Я приготовилась лишь к разводу.

У Виктора в здании возле рынка строительных материалов был торговый зал и несколько кабинетов. Максим вел свои проекты по поставкам, но часть времени работал здесь. Администратор Оксана встретила меня соболезнованиями и выдала ключ от его кабинета. Внутри пахло бумагой и кофе. На спинке кресла висела ветровка Максима.

Я сняла со стены нашу фотографию с отдыха, положила в коробку вместе с очками и отверткой, которой Максим подкручивал дужки. Договор аренды склада нашелся в зеленой папке. Прежде чем отдать его Виктору, я сфотографировала страницы. После утреннего разговора мне хотелось знать, о каких суммах идет речь.

Виктор забрал договор и ушел, когда его позвала Оксана. В глубине ящика обнаружилась небольшая коробка с металлическими деталями, крошечными колесами и моторчиком. На дне было название производителя детских конструкторов. Максим любил возиться с мелочами, когда у него было настроение. Я убрала находку к остальным вещам, решив потом спросить у Виктора, кому она принадлежит.

За дверью кто-то кашлянул, затем я услышала незнакомый женский голос:

— Мне бы к Виктору Александровичу. Я вчера звонила, он обещал сегодня быть.

— Вы по какому вопросу? — спросила Оксана.

— Он знает. Галина Ивановна Белова.

Виктор ответил раньше, чем администратор успела за ним сходить:

— Галина Ивановна, здравствуйте. Я же сказал, что наберу вам, когда уточню.

— Вы с четверга уточняете. Я сегодня была на консультации, мне нужны бумаги. По телефону я их так и не получу.

Они стояли возле кабинета Максима. Я собиралась закрыть дверь, чтобы не слушать чужой разговор, и уже поднялась со стула, когда женщина продолжила:

— Хотя бы с женой Максима помогите связаться. Мне сказали, от нее тоже может понадобиться информация. Я ведь не знаю, к какому нотариусу она обратится.

Виктор ответил тише, но я расслышала:

— Жену оставьте в покое. Вы понимаете, что у нас случилось?

— Понимаю. У нас тоже.

Я вышла в коридор. Рядом с Виктором стояла женщина лет шестидесяти пяти, небольшого роста, с седыми волосами, подстриженными чуть ниже ушей. Она опиралась на трость и держала плоскую сумку с документами. На ногах были удобные черные туфли с широкими ремешками. В глаза бросилось, что одну ногу она старается почти не сгибать. Оксана уже принесла стул и поставила возле стены, но женщина продолжала стоять.

— Вить, меня кто-то искал?

Он оглянулся с таким выражением, будто я помешала ему в разгар деловых переговоров.

— Тут небольшой вопрос по старым переводам. Я разберусь.

Женщина перевела взгляд с него на меня.

— Вы Надежда Сергеевна?

— Да.

— Я Галина Белова. Можно с вами поговорить? Не здесь, если вам неудобно. Я ненадолго.

— Галина Ивановна, — вмешался Виктор, — мы это уже обсуждали. Я попрошу бухгалтера поднять информацию, если она вообще есть. Надежду зачем сейчас в это втягивать?

— Затем, что мне нужно с ней познакомиться. Если бы вы дали номер, я бы сюда не приезжала.

Я посмотрела на Виктора. Он потер переносицу, потом вдруг предложил нам пройти в переговорную. Оксана отодвинула стул, женщина поблагодарила ее и медленно пошла за нами. Я заметила, что сумку она несет с трудом, и придержала дверь, но взять у нее бумаги не предложила. Мне уже становилось не по себе от того, с какой настойчивостью незнакомая женщина пыталась со мной поговорить.

В переговорной стоял овальный стол и несколько кресел на колесиках. Галина Ивановна выбрала обычный стул у стены. Пока она устраивалась, Виктор закрыл дверь.

— Давайте сначала поймем, о каких переводах речь, — сказала я. — Максим вам деньги был должен?

Женщина отрицательно покачала головой.

— Он помогал моим внукам. Я хотела получить подтверждение нескольких платежей, которые Виктор делал по его просьбе. Ну и узнать, куда обращаться насчет наследства. Сама я не очень понимаю, как теперь все будет. Мне объяснили, что надо собирать доказательства.

— Наследства?

— Да. У меня двое внуков. Матвей и Софья. Девять и пять лет. Максим их отец.

Я посмотрела сначала на нее, потом на Виктора. Он отвел глаза и потянул к себе лежавшую на столе ручку. Женщина ждала ответа. На лице у нее не было ни торжества, ни вызова, только усталое, напряженное выражение.

— Подождите, — сказала я. — Какой Максим?

— Ваш муж. Максим Александрович Воронцов.

— Вы, должно быть, что-то перепутали.

Она знала имя и отчество моего мужа, знала Виктора. Перепутать тут было нечего. Разве что сама давно жила в каком-то заблуждении.

— Мою дочь звали Кира, — продолжила Галина Ивановна. — Она умерла в январе. С тех пор дети у меня. Официально я их опекун. Максим помогал и после ее смерти, мы договорились, что он будет оформлять отцовство. Все никак не собрался. Последний раз приезжал в августе, перед школой.

— Вы хотите сказать, что мой муж был знаком с вашей дочерью?

— Они были вместе много лет.

У Виктора наконец нашлось что сказать:

— Надь, я сам не знаю, как там все было. Макс иногда просил помочь одной семье, я переводил деньги. Зачем, почему, не расспрашивал. У него свои отношения с людьми были, у меня свои. Это все еще выяснять надо.

— Ты раньше видел эту женщину?

— Ну, видел. Она и до этого приходила.

— Когда?

— Не помню я, Надь. Зимой, может быть. Весной.

— В марте, — подсказала Галина Ивановна. — Когда Максим был в отъезде и я не могла с ним связаться. Вы тогда за Матвеев кружок деньги прислали. У меня сообщение сохранилось.

— В свидетельствах о рождении он указан отцом? — спросила я.

Галина Ивановна поджала губы.

— Нет. Поэтому и приходится теперь разбираться.

— То есть никаких документов, подтверждающих, что он отец, у вас нет?

— Таких, как вы спрашиваете, нет. Есть переписка, фотографии, платежи. Сохранены некоторые вещи. Я не рассчитываю, что вы просто возьмете и поверите мне. Но я не могу теперь махнуть рукой на то, что детям полагается.

Разговор о наследстве отрезвил меня. Вполне возможно, Максим кому-то помогал, а теперь люди решили воспользоваться знакомством. Квартира, машина, склад — при подтвержденном отцовстве дети могли претендовать на значительную часть имущества.

— Скажите, вы с самого начала знали, что он женат?

Женщина посмотрела мне в глаза.

— Знала. Не с самого начала. Узнала уже после того, как Кира с ним познакомилась.

Я отвернулась к окну. На парковке грузчики перекладывали пачки ламината из фургона на тележку. Один из них поднял голову, крикнул что-то товарищу и рассмеялся. Мне почему-то стало неприятно, что их рабочий день продолжался как ни в чем не бывало.

— И ни разу за эти годы не пытались со мной связаться?

— Нет.

— А дочь ваша?

— Насколько я знаю, тоже нет. Максим говорил, что сам все решит.

— Удобно.

Галина Ивановна ничего не ответила. Я ждала, что она начнет оправдываться, рассказывать о несчастной дочери, которую обманули, о том, как сложно было растить детей. Наверное, тогда мне было бы проще разозлиться. Но она сидела, сложив руки на сумке, и смотрела на свои пальцы.

— Надь, — Виктор подался ко мне, — поедем домой. Здесь сейчас разговаривать не о чем. Галина Ивановна пусть юристу все передаст, а мы потом узнаем, есть ли вообще основания для каких-то требований.

— Не надо меня домой отправлять. Я сама решу, когда уйду.

Он откинулся на спинку кресла. Я повернулась к Галине Ивановне.

— Вы сказали, девять и пять лет? Оба ребенка от Максима?

— Да. Матвей родился в апреле. Сонечка в ноябре, ей скоро шесть исполнится.

Я посчитала. Девять лет назад мы с Максимом переехали в нашу квартиру. Долго выбирали обои, ссорились из-за кухни. В одной из комнат я тогда хотела поставить небольшое кресло у окна, чтобы впоследствии там было удобно кормить ребенка. Максим решил устроить в этой комнате кабинет. Кресло мы так и не купили.

В том году, когда родилась Соня, я закончила очередную съемку для Виктора и на полученные деньги заказала Максиму на день рождения часы. Те самые, которые он застегивал в прихожей в среду утром.

— Вы можете показать мне что-нибудь сейчас? — спросила я.

Галина Ивановна расстегнула сумку.

— Конечно. Я документы взяла, только не все. И телефон. Вот свидетельства, вот решение об опеке. А это фотография с прошлого лета. У меня их много, сейчас найду, где хорошо видно.

Она положила на стол телефон и принялась листать фотографии. Пальцы плохо слушались ее, экран то и дело гас. Виктор встал, будто хотел выйти, но я попросила его остаться.

Сначала на экране появилось лицо незнакомой молодой женщины с короткой стрижкой. Она держала на руках маленькую девочку в розовой панамке, рядом стоял мальчик с надувным кругом. Галина Ивановна пролистнула снимок, потом вернулась к нему.

— Это моя Кира. На Волге, три года назад.

Я взглянула на женщину, которая столько лет жила рядом с моим мужем. У нее были светлые волосы, округлый подбородок, небольшая щербинка между передними зубами. В другую минуту я вполне могла бы счесть ее симпатичной. Теперь же мне хотелось рассмотреть каждую черточку, найти какое-то объяснение, почему Максим выбрал именно ее. Я заставила себя отвести глаза.

На следующем снимке Максим держал девочку за руку. Обычный двор с песочницей, детская куртка нараспашку, рядом пакет из продуктового магазина. Фотография была сделана издалека. Потом появились другие кадры. Мальчик рядом с ним на скамейке, девочка у него на коленях. Я все еще могла объяснить себе любое из этих изображений. Друг семьи, помощь знакомым. Мужчины берут на руки чужих детей и водят их за руку, в этом нет ничего особенного.

— Вот еще видео, — сказала Галина Ивановна. — Весной снимала. Матвей мне там хотел показать, что у него получилось.

Она открыла короткую запись, прибавила звук и подвинула телефон ко мне.

На экране был кухонный стол, покрытый клеенкой в мелких голубых цветочках. Возле тарелки с нарезанным яблоком лежали детали конструктора. Мальчик держал небольшую машинку, пытался надеть колесо на тонкую металлическую ось. За столом сидел Максим. Я узнала его еще до того, как камера поднялась: по часам, по широким ладоням, по тому, как он придерживал деталь ногтем большого пальца.

— Не туда давишь, — сказал он мальчику. — Сынок, смотри, вот здесь защелка. Поверни чуть-чуть. Во, теперь давай.

Мальчик засмеялся. Максим убрал руку и с явным удовольствием смотрел, как тот прокатил машинку по столу. Из-за кадра послышался тонкий голосок:

— Пап, а мне?

— И тебе сейчас. Только яблоко доешь сначала.

Он потянулся к тарелке, взял дольку и сам откусил от нее кусочек. Девочка возмущенно завизжала, мальчик снова засмеялся, и запись оборвалась.

Я попросила показать дату. Галина Ивановна коснулась экрана, и вверху появилась надпись: 18 апреля прошлого года.

Этот день я помнила. Даша устроила небольшую фотовыставку в городском культурном центре. Уговорила меня отдать туда несколько старых работ, и я впервые за долгое время уви-

дела свои снимки напечатанными и развешанными на стенах. Максим обещал приехать на открытие. Я даже взяла с собой его любимую белую рубашку, чтобы он мог переодеться после работы. За час до начала муж позвонил и сказал, что ему пришлось срочно ехать в Казань к поставщику и раньше следующего утра он не вернется.

Я весь вечер таскала его рубашку в сумке и жаловалась Даше, что он опять не увидел моих фотографий. А потом отправила ему снимок из зала. Он ответил, что гордится мной, и добавил красное сердечко.

Теперь я смотрела на кухонный стол в голубых цветочках, на мальчика с Максимовыми глазами, на руку мужа, которой он бережно поддерживал крошечную машинку. Мне захотелось вернуть запись на самое начало. Я включила ее еще раз и досмотрела до конца.

Виктор рядом со мной молчал.

— Пап, а мне? — снова спросила девочка из телефона.

Я не знала ни ее голоса, ни любимых игрушек, ни того, как она выглядела, когда только родилась. Максим знал. Пока я ждала его в нашей квартире и верила, что у нас когда-нибудь тоже будут дети, он уже много лет был отцом.

Глава 2. Голубые цветочки

Из офиса Виктора я вышла с картонной коробкой и чужим телефонным номером, записанным на обороте визитки. Галина Ивановна сама предложила оставить мне свой адрес. Я сказала, что сначала подумаю, но, пока мы спускались по ступенькам, попросила ее все-таки написать, где она живет. Женщина сняла сумку с плеча, положила на перила и долго искала ручку. Виктор наблюдал за нами из дверей, не вмешиваясь.

— Машину вам вызвать? — спросила я, заметив, как тяжело она опустилась с последней ступеньки.

— Нет, спасибо. Тут остановка близко. Я привыкла.

Мне и самой предстояло идти до остановки или вызывать такси, но я осталась на месте, дожидаясь, пока Галина Ивановна уберет ручку. Коробка оттягивала руки. Из-под клапана торчал угол деревянной рамки с нашей фотографией.

— Дети знают, что Максим умер?

— Знают. Я сказала. Матвею сначала, потом вместе с ним Сонечке. Она до конца не поняла, что папы теперь совсем не будет.

— А обо мне?

Галина Ивановна поправила ремень сумки.

— Сегодня им скажу. Я и так уже много чего от них скрывала.

От этих слов мне стало противно. Хотелось спросить, не слишком ли поздно она решила разговаривать с детьми начистоту. Взрослые столько лет устраивали жизнь так, чтобы нам всем доставалось по кусочку правды, да еще строго в положенное время. Однако на улице уже начал накрапывать дождь, а женщина, которая стояла передо мной, с трудом держалась на ногах. Я положила визитку в карман и простилась.

Виктор догнал меня возле парковки.

— Давай отвезу. Чего ты с этой тяжестью попрешься?

Я отдала ему коробку и пошла следом к машине. Он поставил вещи в багажник, сел за руль, но заводить двигатель не стал.

— Надь, ты матери пока ничего не говори. Ей и так плохо.

— А ты собираешься сказать?

— Надо сначала понять, что происходит.

— Ты видел видео.

— Видел. И что теперь? Я пойду к матери и скажу, что у нее двое внуков, а через месяц выяснится что-нибудь другое?

Я открыла дверь со своей стороны. В салон потянуло влажным воздухом.

— Вить, я не просила тебя отвозить меня. Если ты хочешь договориться, чтобы я молчала, я сама доберусь.

— Да господи, сядь нормально. Дождь идет.

Я захлопнула дверь. Мы выехали на дорогу, пристроились за грузовиком с грязными брызговиками. Виктор несколько раз пытался заговорить о матери, потом переключился на светофор, на пробку перед мостом. В обычное время я бы поддержала разговор. Сейчас мне хотелось тишины.

— Он их в офис привозил? — спросила я, когда мы уже свернули на мою улицу.

— При мне нет.

— А к тебе домой?

— Надя, не знаю я их. Ну правда. Он просил пару раз денег перевести. У меня тогда еще с оплатой за склад была задержка, могли между собой таким образом рассчитываться. Я в его дела не лез.

— И тебе не приходило в голову, что у твоего брата какие-то странные дела?

— Мы с ним давно договорились личное друг у друга не выяснять. У нас и без этого поводов поругаться хватало.

Виктор остановился у подъезда, достал из багажника мои вещи и напоследок попросил немедленно звонить ему, если Белова потребует денег. Я ничего не обещала.

В квартире я поставила коробку прямо на пол возле обувницы. Сняла куртку, вымыла руки, подогрела остатки супа. Мне хотелось проделать все эти действия в привычной последовательности и посмотреть, что произойдет дальше. Я даже налила суп в тарелку и села за стол, но после второй ложки почувствовала, что больше не могу глотать.

В кармане куртки лежал адрес. Я перенесла телефон Галины Ивановны в список контактов, не придумав, как его подписать, и оставила фамилию с именем. Потом открыла переписку с Максимом. Она сохранилась на моем телефоне за несколько лет, и нужную дату пришлось искать долго.

Восемнадцатое апреля. В тот день я послала мужу фотографию выставочного зала. На ней возле моей работы стояла Дашина знакомая в желтом платье. Я написала, что жаль, что его нет, а еще в шутку пожаловалась, что платье женщины отражается в стекле и мешает снимать. Максим ответил почти через час: «Молодец. Горжусь тобой». Следом действительно стояло сердечко. Еще ниже я спрашивала, добрался ли он до гостиницы. Он написал, что уже поужинал и завтра будет дома.

Я перечитала все сообщения за тот вечер, потом за следующий день. Несколько раз прокрутила переписку вверх и вниз. По ней выходило, что утром муж действительно находился где-то далеко, а после обеда вернулся. Я даже спросила, привез ли он мне гостинец. Привез, коробку конфет из магазина у нашего дома. Я тогда посмеялась, что такие и сама могла купить.

Я поискала в нашей переписке упоминания о других его поездках. Некоторые явно были настоящими: там сохранились фотографии накладных, сообщения о дороге. Проверить остальные теперь вряд ли получилось бы.

К вечеру у меня разболелись глаза. Я закрыла переписку, убрала тарелку с застывшим жиром в холодильник и набрала Дашу.

— Ты можешь ко мне приехать?

— Могу. Что взять?

— Ничего. Просто приезжай.

Она добралась минут за сорок. С собой все-таки принесла горячие пирожки в бумажном пакете и пачку молока. Я рассказала ей о Галине Ивановне, пока она раздевалась. На кухню мы прошли уже вдвоем, и там я наконец сумела произнести, сколько детям лет.

— Девять и пять, — повторила Даша. — Надь, боже мой.

Я ждала, что подруга скажет что-нибудь о Максиме. Она молчала. Потом развернула один из пирожков, положила передо мной и спросила, успела ли я взять телефон этой женщины.

— Взяла. Она живет за парком, на Заводской. Я ведь даже знаю, где это. Мы туда с Максимом иногда ездили за продуктами. Не на саму улицу, чуть дальше, к рынку. Даш, представляешь, если он меня домой отвозил, а потом просто поворачивал обратно?

— Надь, ты сейчас все подряд начнешь вспоминать. И ничего не сможешь проверить.

— Мне хочется проверить хотя бы что-то.

— Ну так проверь то, что можно. Документы, даты, что там у них вообще есть. Только не разбирай ночью весь свой брак по сообщениям.

Я отломила кусок еще теплого пирожка. Оказалось, я ужасно голодна.

— Встречаться с ней будешь? — спросила она наконец.

— Наверное. Не хочу, чтобы все это выяснялось через Виктора.

— Тогда я могу дать тебе телефон Анны Михайловны. Помнишь, я с ней материал про старый дом делала, когда у жильцов спор был? Она адвокат. Спросим, занимается ли она такими делами. Если нет, посоветует кого-нибудь.

— Дай. Только я пока не знаю, за что вообще браться. Они же могут оказаться его детьми, а могут и не оказаться. Мне сегодня показывали свидетельства, там, со слов этой женщины, Максим отцом не записан.

— Ну вот с этого и начнем. Тебе же никто не предлагает сегодня подписать им дарственную на квартиру.

Я чуть не рассмеялась, но расплакалась. Даша пересела ко мне и обняла. Мне было стыдно, что я годами ничего не замечала. Если бы я могла вернуться в то последнее утро, то теперь совершенно точно не начала бы с развода. Сначала спросила бы Максима, как он вообще жил все эти годы.

На девятый день я ничего не сказала Лидии Павловне. Я сидела рядом с ней в кафе, помогала подавать чашки, слушала рассказы родственников о детстве Максима. Его тетя вспомнила, как он в шесть лет унес из магазина связку баранок, решив, что продавщица подарила их ему. Все улыбнулись. Лидия Павловна заплакала и сказала, что он любил маленьких детей, всегда с ними возился.

— У вас бы еще свои были, — с сожалением добавила тетя, обращаясь ко мне. — Уж как он с ними ладил бы.

Я уронила ложку. Поднимая ее, ударилась плечом о край стола. Кто-то наклонился помочь, я поспешно выпрямилась и попросила прощения. Через минуту нашла повод выйти к администратору, уточнить, сколько осталось горячего. В туалете за ресторанной кухней я умылась холодной водой, постояла у зеркала и вернулась к гостям. Никто, кроме Виктора, не заметил ничего особенного. А он отыскал меня уже у выхода, посмотрел вопросительно, и я покачала головой. Не для него я промолчала. У Лидии Павловны и без моей новости был тяжелый день.

В пятницу мне позвонила Галина Ивановна. Она говорила осторожно, словно каждую секунду ожидала, что я положу трубку.

— Надежда Сергеевна, я нашла те платежи, про которые вам рассказывала. И бумаги из опеки. Если вы захотите посмотреть, они у меня. Я могу к вам подъехать.

— Нет, я сама приеду. В понедельник удобно?

— Удобно. После четырех, если можно. Матвей из школы вернется, я за Соней схожу.

Я согласилась. Только закончив разговор, поняла, что поеду к ней, когда дома будут дети. Перезванивать и назначать другое время не стала. Мне все равно пришлось бы когда-нибудь их увидеть.

В выходные я отвезла еще несколько вещей в бабушкин дом и осталась там ночевать. Мы с Максимом редко бывали здесь вместе. Даже думать о нем среди знакомых с детства вещей оказалось легче. Я уснула раньше полуночи, без телефона в руке.

На Заводскую я приехала в понедельник немного раньше, чем обещала. До четырех оставалось десять минут, и я прошла мимо дома до небольшого сквера, где рабочие меняли ограждение детской площадки. У дороги продавали овощи с машины. От прилавка пахло укропом и сладким перцем. Я вдруг подумала, что являться в дом, где есть дети, с пустыми руками как-то неловко. Потом представила себя с пакетом конфет перед двумя незнакомыми ребятами, которым только недавно сказали, кем я была их отцу, и отказалась от этой мысли. Зашла лишь за упаковкой чая для Галины Ивановны.

Она жила на втором этаже пятиэтажного дома. На звонок открыла не сразу; за дверью послышались детские голоса, потом нетерпеливый стук небольших каблуков по полу. Наконец показалась сама хозяйка, в темных домашних брюках и тонкой кофте, с очками на груди.

— Проходите, проходите. Я думала, попозже будете. У нас тут немножко шумно.

В прихожей стояла сушилка с детскими носками. Возле тумбочки лежал школьный рюкзак с брелоком в виде ракеты. Галина Ивановна попросила меня подождать, переставила трость к стене и позвала:

— Матвей, подойди на минуточку. У нас гостья.

Из комнаты вышел худенький мальчик в домашней футболке и шортах. Волосы у него были чуть длиннее, чем на показанном мне видео. Он явно только что сидел над уроками: на среднем пальце правой руки темнело пятнышко от ручки.

— Здравствуйте, — сказал он.

Я ответила, что меня зовут Надежда. Мальчик кивнул, взглянул на бабушку и снова посмотрел на меня.

— Я знаю.

В этот момент я впервые увидела его лицо вблизи. У Максима была характерная привычка слегка прищуривать левый глаз, когда он прислушивался или пытался что-то понять. Матвей смотрел на меня точно так же. На секунду мне показалось, что сейчас он улыбнется той самой знакомой улыбкой, которую я столько раз видела напротив себя за столом. Я отвела взгляд и стала расстегивать куртку, хотя уже успела ее расстегнуть.

— Бабушка сказала, вы папина жена, — произнес мальчик.

— Да, — ответила я.

Мне не удалось сразу придумать ничего больше. Галина Ивановна взяла у меня куртку, а Матвей переминался с ноги на ногу, словно ждал, что я объясню причину своего появления. Я спросила, не помешала ли ему делать уроки.

— Я уже почти все сделал. Осталось окружающий мир.

— Тогда доделывай, хорошо?

Он ушел. Галина Ивановна пригласила меня на кухню. В дверях мы столкнулись с девочкой, которая волочила по полу длинную ленту и требовала завязать кукле бант.

— Соня, это Надежда Сергеевна. Поздоровайся.

Девочка посмотрела на меня снизу вверх.

— Здрасьте. А вы у нас будете чай пить?

— Наверное, буду.

— У нас печенье есть. С коровами. Только на нем одна корова без головы, потому что Матвей откусил.

— Сонь, — укоризненно сказала бабушка, — ну что ты рассказываешь? Иди пока поиграй.

— Ты бант обещала!

Я невольно посмотрела на куклу. Лента была слишком длинная, бабушка пыталась завязать ее у девочки на глазах, но концы все время выскальзывали. Соня забрала игрушку и полезла на кухонную табуретку.

— Я сама.

На кухне лежала клеенка с крупными зелеными листьями. Я вспомнила голубые цветочки с видео и едва не спросила, куда делась прежняя. Вместо этого протянула Галине Ивановне чай. Она поставила чайник и достала обещанное Соней печенье с коровами.

— Матвей, вот ведь как делает, — пробормотала она.

Соня возилась с лентой рядом. Минуты через две она спросила, знаю ли я, как завязывать бантики. Я знала и могла помочь, но почему-то засомневалась. Галина Ивановна еще раз попыталась отправить ее в комнату.

— Давай сюда, — сказала я девочке. — Только придержи голову красавицы, а то у нее все волосы зацепятся.

Девочка послушно прижала куклу к себе. Я укоротила свободные концы ленты, сделала петли и затянула узел. Соня посмотрела, повертела куклу и сообщила, что бант получился кривой.

— Это потому, что голова у нее кривая, — ответила я.

Она засмеялась. Бабушка тоже улыбнулась, потом осеклась, словно вспомнила, зачем я пришла. Я вернула куклу и попросила показать документы.

Соня убежала с игрушкой. Галина Ивановна принесла прозрачную папку, сложила передо мной свидетельства о рождении и копию решения об установлении опеки.

Даты совпадали с теми, которые она назвала в офисе. Матвею девять, Соне в ноябре исполнится шесть. В графе об отце стояли прочерки. Решение об опеке было оформлено после смерти Киры. Я читала строки медленно, иногда возвращалась к началу, хотя особенной сложности в тексте не было. Просто никак не могла привыкнуть к тому, что передо мной лежат настоящие документы о двух детях моего мужа.

— Вы сказали, что он собирался установить отцовство. Почему не сделал этого раньше?

Галина Ивановна села поудобнее, вытянула больную ногу под столом.

— Кира не хотела скандала. Сначала думала, что Максим разведется. Он говорил, подождать надо. Я с ней ругалась, конечно. Когда Матвей родился, мы все надеялись, что он придет и все оформит. А он то с работой занят, то ему куда-то ехать. Потом уже они с Кирой решили ничего не трогать, пока он сам не будет готов.

— Они решили? — переспросила я. — То есть вашей дочери это подходило?

— Нет, конечно. Но она и сама боялась, что он уйдет совсем. Я тогда не всегда с ней согласна была. А вмешаться толком не умела. Надо было раньше все делать.

— Раньше, это когда? Девять лет назад? Пять? Когда она вторым забеременела?

Голос мой стал громче. Из коридора перестал доноситься шелест бумаги. Я оглянулась, увидела в дверном проеме край Матвеевой футболки и замолчала.

— Матвей, мы с Надеждой Сергеевной поговорим, — позвала Галина Ивановна. — Доделывай уроки, пожалуйста.

— Я ластик искал.

— На подоконнике посмотри.

— Я не хочу, чтобы дети это слышали. В другой раз можно поговорить без них?

— Утром. Матвей в школе, Соня в садике. Я думала, вы захотите с ними познакомиться.

— Я и сама не знала, захочу ли.

Галина Ивановна осторожно кивнула. Теперь она говорила намного тише.

— Надежда Сергеевна, вы на меня не обижайтесь за то, что я их вам показала. Я не собираюсь ничего такого от вас требовать. У меня дочка умерла, потом Максим. Я сама не понимаю, за что сначала браться. Хочу, чтобы у детей хотя бы с документами порядок был. Мне в опеке объяснили, что без подтверждения отцовства дальше не продвинусь.

— А раньше, после смерти Киры, что он говорил?

— Обещал оформить. Даже копии свидетельств брал. В августе приезжал, мы опять об этом говорили. Сказал, давай после первого сентября, сейчас в школе у Матвея расходы. Мы с ним так и договорились.

Она вынула из папки несколько распечатанных банковских операций. Часть переводов поступала от Максима, часть от Виктора. Галина Ивановна пояснила, какие расходы они обсуждали. На последней странице был перевод за август. Мне хотелось взять листы и отнести их брату мужа, чтобы он наконец перестал делать вид, будто помогал какой-то случайной семье. Но эти деньги были нужны детям, а не мне для выяснения отношений.

— Вы с юристом уже говорили?

— Была на бесплатном приеме. Мне сказали собрать все, что есть, и потом смотреть, как заявление подавать. Я думала еще по телефону спросить, но там очередь, на разговор записывают.

— А переписка сохранилась?

— Со мной сохранилась. У Киры старый телефон, есть фотографии, сообщения. Я его пока не трогала. Матвей иногда фотографии смотрит, я ему показываю.

— Не удаляйте ничего. И оригиналы этих документов никому просто так не отдавайте. Я попробую найти человека, который объяснит, что делать дальше. Обещать вам, что я буду этим заниматься, пока не могу.

— Да я понимаю. Конечно. Вы и так пришли.

В соседней комнате что-то с грохотом упало. Соня закричала, что Матвей сломал ей кровать. Он ответил, что она сама на нее села. Галина Ивановна попыталась встать, опираясь руками о стол, и поморщилась.

— Сейчас, Соня! Не трогайте там ничего!

Я отодвинула стул, чтобы ей было легче пройти. Она добиралась до двери медленно, и я пошла следом. Кроваткой оказалась картонная коробка, в которую девочка укладывала куклу. У коробки разошелся угол, сверху валялось полотенце. Матвей пытался подклеить картон скотчем, а сестра вырывала его у него из рук.

— Дай, я сама! Ты опять все испортил!

— Да не трогай ты, пока я приклеиваю!

— Сонечка, давай лучше новую коробочку найдем, — предложила бабушка.

Матвей оторвал зубами полоску скотча, приложил к углу и пригладил пальцем.

— Готово. Теперь не садись на нее.

Он поднялся и заметил, что я стою у двери. Улыбка тут же исчезла с его лица.

— Мы не специально шумели.

— Я тоже иногда шумлю, когда у меня что-нибудь не получается, — ответила я.

Он не знал, что сказать. Галина Ивановна отправила его за тетрадью, а Соня принялась укладывать куклу на полотенце. Возле книжек и деталей конструктора стоял снимок Киры с детьми. Я отвела глаза. Две кровати, две пары тапочек, одежда на спинке стула — все эти вещи говорили о годах, которые прошли мимо меня. Мне было тяжело находиться здесь.

— Бабушка, а Надежда Сергеевна папины фотографии принесла? — спросил Матвей, вернувшись с тетрадью.

— Нет, — ответила я раньше Галины Ивановны.

— А у вас они есть?

— Есть несколько. Зачем тебе?

Он пожал плечами.

— Просто у нас мало, где он один. Бабушка одну хотела напечатать, но там, говорит, качество плохое.

Я вспомнила портрет, который стоял на нашем комоде. Другие снимки хранились на компьютере, часть в старых папках на внешнем диске. У меня нашлись бы десятки хороших фотографий Максима. Мальчику достаточно было попросить, а мне почему-то хотелось спросить, почему он не просил отца фотографироваться с ними, пока тот был жив. Я прикусила язык. Откуда ребенку было знать, сколько у него еще впереди времени?

— Посмотрю дома, какие есть, — сказала я. — Если найду что-нибудь подходящее, пришлю бабушке.

— Спасибо.

Матвей положил тетрадь на край стола, пропуская меня к выходу. Соня бросилась за нами и успела спросить, буду ли я еще печенье. Я отказалась, сославшись на то, что уже наелась. Тогда она сама доела надкушенную корову, несмотря на бабушкино возмущение.

В прихожей Галина Ивановна долго благодарила меня. Я попросила этого не делать и пообещала позвонить, когда узнаю насчет консультации. Она протянула мне визитку женщины, у которой была на бесплатном приеме. Я убрала ее в сумку и вышла на лестницу.

На улице я ненадолго присела на скамейку. Возвращаться в эту квартиру пока не хотелось.

Мне позвонила Даша. Я сказала, что только вышла от Беловых и еще не готова все обсуждать.

— Тогда по делу, — ответила она. — Завтра мастерская, в десять. Контакт Корнева я тебе пересылала. Подтверди, что приедешь, пожалуйста. И Анна Михайловна ответила, что может посмотреть наш вопрос. Только ей надо понимать, кого она консультирует.

— Я сначала сама ей позвоню. А завтра буду, как договорились.

— Хорошо. Только нам нужен не один портрет директора. Сними людей за работой, вагон, детали.

— Даш, знаю. До завтра.

Дома я собрала технику и поставила аккумуляторы заряжаться на ночь.

Мастерскую я нашла на следующий день без особых приключений, хотя навигатор предлагал заехать через закрытые ворота. Пришлось позвонить по номеру из Дашиного письма. Мужчина на другом конце объяснил, где второй въезд, и попросил предупредить охрану, что я к Корневу.

Внутри длинного здания с высокими окнами пахло деревом, металлом и каким-то терпким составом, которым обрабатывали детали. Возле одного из ворот стоял кузов старого трамвая, с которого сняли наружную обшивку. В глубине мастерской был другой вагон, почти готовый, с темно-красными бортами, светлой крышей и рядами деревянных оконных рам. Я остановилась перед ним, забыв, что на плече у меня тяжелый рюкзак, и принялась искать глазами лучшую точку для первого кадра.

— Надежда Воронцова?

Ко мне подошел высокий мужчина в рабочей куртке, с темными волосами и заметной проседью на висках. На его руках остались следы машинной грязи, поэтому он прежде, чем поздороваться, вытер пальцы тряпкой. Рукопожатие у него было крепкое, без неприятной попытки сдавить ладонь.

— Андрей Корнев. Мы с вами по телефону говорили. Покажу, что у нас здесь есть. Только сумку пока лучше не ставить на пол, там ребята с проводкой работают, можете задеть.

Он отвел меня к небольшому свободному столу и познакомил с рабочими. Пожилого мастера звали Борисом Ильичом, молодого электрика — Денисом. Еще один сотрудник, Павел, возился возле верстака с оконной рамой. Я спросила, не возражают ли они против портретных кадров во время работы. Борис Ильич попросил только не фотографировать лысину сверху. Остальные согласились без возражений.

— Сначала давайте с вагоном разберемся, — сказал Андрей. — В одиннадцать у нас приедут стекла, здесь освободят проход. Потом они будут монтировать, так что целиком его удобнее сейчас снять.

Он встал возле передней площадки трамвая и показал, с какой стороны, по его мнению, лучше всего делать общий кадр.

— Оттуда не получится, — сказала я.

— Почему?

— Слишком близко стена. И окна пересвечены, если встану там, где вы показываете. Можно, конечно, сделать пару технических фотографий, но нам для материала нужен совсем другой кадр.

— А какой?

Я прошла вдоль борта, прикинула расстояние до металлической стойки, посмотрела, куда падает свет из верхних окон.

— Вот отсюда, ближе к передней части. Если убрать тележку и еще тот синий ящик, будет видно весь вагон. И хочу попробовать один кадр изнутри, через дверь, когда кто-нибудь из ваших мастеров будет работать.

Андрей проследил за моей рукой.

— Тележку уберем. Ящик тоже. Но с этой точки у вас передняя площадка закрывает часть борта. Там номер почти не виден.

— Номер я отдельно сниму. Не обязательно пытаться уместить все в одну фотографию.

Он посмотрел на меня с сомнением. Видимо, успел представить, какой должна получиться итоговая картинка, и мой вариант ему пока не нравился.

— Покажете на экране, что получается?

— Покажу. Только сначала дайте мне поработать минут десять.

Андрей слегка улыбнулся.

— Договорились.

Денис помог отодвинуть ящик. Я оставила рюкзак у стола и несколько минут занималась только вагоном. Дерево в полированных рамах отливало золотистым цветом, красная краска на борту была чуть темнее, чем казалось издали. В кадр лезла связка кабелей на стене. Пришлось сменить объектив и присесть у металлической стойки.

Андрей все это время кому-то отвечал по телефону. Когда закончил, я позвала его посмотреть первые снимки. Он подошел вплотную, наклонился к экрану. От него пахло обычным мылом и чуть-чуть древесиной. Я неожиданно почувствовала, насколько давно не находилась так близко к мужчине, с которым мне не приходилось говорить о похоронах или семейных делах. Мы с ним смотрели на фотографию, и мне было интересно, что он скажет.

— Здесь он длиннее выглядит, чем в жизни, — заметил Андрей.

— Перспектива. Поэтому я еще с другой точки сниму, на более длинном фокусе. Но для начала материала этот кадр, мне кажется, хороший.

Он попросил увеличить переднюю часть. Я показала ему детали.

— Красиво, — признал он наконец. — А цвет таким и останется? У нас на телефоне он почему-то каждый раз оранжевый выходит.

— После обработки останется близким к настоящему. За этим я слежу.

— Тогда отлично. У меня к вам одна просьба. Если будете снимать салон, обратите внимание на ручки у окон. Мы их по старому образцу отливали, долго форму подбирали. Там работы много, а со стороны выглядит так, будто деталь в магазине купили.

— Снимем. Кто этим занимался?

— Борис Ильич. Пойдемте, он вам лучше расскажет.

Мастер показал деревянную модель для изготовления литейной формы, образец ручки и несколько деталей с небольшими отличиями. Говорил он увлеченно, время от времени сердился на самого себя, когда не мог сразу объяснить мне какой-нибудь технический нюанс. Я попросила его подержать ручку так, как он держал бы ее при установке, сделала несколько кадров, а потом сняла крупным планом его пальцы и исцарапанную поверхность верстака. С такими фотографиями Даша могла написать хоть половину статьи. Борис Ильич посмотрел на снимок и неожиданно попросил потом прислать его жене. Она, по его словам, считала, что он целыми днями сидит здесь и пьет чай с мужиками.

— Чай-то мы тоже пьем, — заметил Андрей. — Как раз время. Надежда, перерыв сделаете?

Я согласилась. Мы прошли в небольшое помещение с электрическим чайником, микроволновкой и холодильником, на дверце которого кто-то прикрепил магнит из Тулы. Андрей

предложил растворимый кофе, чай в пакетиках или воду. Я выбрала чай. Он достал две кружки, ополоснул их и спросил, нужен ли сахар.

— Не нужен, спасибо.

— У вас раньше где-то выходили работы? Дарья говорила, вы давно снимаете.

— Давно. Последние годы больше каталоги и коммерческие заказы. Иногда портреты. В прошлом году несколько фотографий были на выставке в культурном центре.

Я ожидала, что при упоминании выставки мне снова станет дурно. Но Андрей ничего не знал ни о белой рубашке, ни о поездке Максима, которой не было. Он спросил, что именно я выставляла.

— Городские фотографии. Волга зимой, несколько старых домов, люди на улицах. Я снимала для себя, а Даша потом уговорила напечатать.

— Покажете как-нибудь? Мне интересно, как раньше у нас выглядел транспортный район. Есть архивные снимки, конечно, но это в основном совсем старые.

— У меня не настолько старые. Хотя кое-что уже снесли.

— Вот и жалко. Мы с одним заказчиком искали фотографию остановки, которая еще лет пятнадцать назад стояла. Всем казалось, что она всегда будет стоять. Никто толком не снял.

Мне понравилось, что он не сказал о моих фотографиях ничего дежурно-восторженного. Разговор пошел о городе, о зданиях, которые постепенно исчезали, об остановках и вывесках. Оказалось, Андрей вырос недалеко от трамвайного депо, в детстве с приятелями ходил смотреть, как ремонтируют вагоны. Я рассказала, что моя бабушка ездила через весь город на трамвае, потому что в автобусе ее укачивало. Он засмеялся и сказал, что в старых вагонах на некоторых участках трясло так, что автобус показался бы ей санаторием.

Денис позвал Андрея: стекла привезли раньше срока. Я успела сделать несколько кадров в салоне, пока рабочие разгружали машину, и вышла, прежде чем они начали заносить стекла. В первом приближении материал получился удачный, но предстояло приехать еще раз и снять работу над другим вагоном.

Андрей вернулся, когда я уже собиралась уходить.

— Ну что, не разочаровали вас?

— Пока нет. Мне понадобится приехать еще раз. Даша просила больше кадров самого процесса, а сегодня у нас в основном один вагон.

— На следующей неделе можем. Я вам вечером напишу, какие дни у нас лучше.

Он проводил меня до выхода и попросил прислать снимки для мастеров, если редакция разрешит. Борис Ильич уже успел о них напомнить. Мы посмеялись, попрощались, и я пошла к остановке с удовольствием от сделанной работы.

В автобусе я сообщила Даше, что понадобится еще один выезд.

Я посмотрела на время. До конца рабочего дня оставалось почти четыре часа. Позвонила Анне Михайловне, представилась, кратко объяснила обстоятельства. Она выслушала меня и задала несколько вопросов. Я честно сказала, что по части документов знаю только то, что видела у Галины Ивановны, и что являюсь вдовой человека, чье отцовство предстоит выяснить.

— Тогда вам с опекуном детей лучше не приходить ко мне за общей консультацией, — объяснила Анна Михайловна. — У вас могут оказаться разные имущественные интересы. Я могу поговорить с вами отдельно, а для нее дам контакт коллеги, который занимается такими делами. Пусть она сама ему изложит обстоятельства.

Мы договорились о моем звонке позднее. Через несколько минут Анна Михайловна прислала номер коллеги с коротким пояснением, что тот готов принять Галину Ивановну в следующий четверг утром, если она подтвердит время. Я переслала сообщение Беловой и позвонила, чтобы не пришлось разбираться с ним одной.

— На следующей неделе, в четверг, в половине одиннадцатого? — переспросила она. — Да, должно получиться. Матвей будет в школе, Соню я утром отведу. Спасибо вам. Я ему сейчас сама позвоню.

— Узнайте сразу, сколько стоит консультация, какие бумаги взять. Если не договоритесь, сообщите.

— Хорошо. Надежда Сергеевна, я вам еще хотела сказать... Матвей про фотографии спрашивал, только вы не торопитесь. Я ему объяснила, что у вас тоже сейчас дел много.

— Я помню. Посмотрю.

Мы попрощались. Дома я перенесла снимки из мастерской на компьютер, сделала резервную копию и поставила заряжаться аккумуляторы. Пока открывалась программа для обработки, нашла в ящике стола внешний диск с семейным архивом. Фотографии Максима хранились по годам. Я выбрала несколько, на которых он был один: возле реки, в кресле у окна на даче друзей, на террасе ресторана. Не стала брать свадебные снимки или наши совместные фотографии. Сохранила три файла в отдельную папку, чтобы отправить их Галине Ивановне в хорошем качестве.

На телефон пришло сообщение от Беловой. Она уже успела дозвониться до адвоката и договориться. Я записала дату и время консультации на листок рядом с рабочим календарем. Не потому, что собиралась ехать с ней. Просто мне хотелось знать в тот четверг, что разговор состоялся и ей объяснили следующий шаг. Еще неделю назад я и понятия не имела, кто такие Беловы. Теперь у меня на компьютере лежали три фотографии моего мужа, которые я приготовила для его сына, а среди собственных дел появилась одна маленькая запись, относившаяся к совсем другой семье.

Глава 3. Колесо от машинки

Фотографии для Матвея я отправила еще на прошлой неделе. Галина Ивановна попросила объяснить, какой размер выбрать для печати, чтобы лицо Максима не обрезали. Я ответила и вернулась к работе.

В среду, накануне консультации Галины Ивановны, я заканчивала предварительную обработку снимков из мастерской. Мне предстояло согласовать с Корневым повторную съемку и перевезти компьютер в бабушкин дом. В обычную неделю Максим обязательно нашел бы еще несколько дел, которыми следовало заняться мне: забрать его брюки из химчистки, дождаться мастера или купить что-нибудь к ужину. Теперь я могла не отрываться от работы, пока не получу нужный результат.

В обед позвонила Галина Ивановна. Спросила, нет ли у меня случайно среди Максимовых вещей детского конструктора.

— Матвей говорит, маленькая коробка такая, в ней детали насыпаны. Они еще в августе с Максимом собирались машинку переделывать. Моторчик не подошел, он его унес, хотел посмотреть на работе. Я думала, купим другой, но Матвей все про ту коробку спрашивает. Может, выбросили уже?

Я так и не разобрала коробку из офиса до конца. Пообещала посмотреть, закончила разговор и помедлила. В кабинете Максима мне и в голову не пришло, что найденные детали могли принадлежать его собственному ребенку.

Маленькая картонная коробка нашлась на дне, под рамкой с фотографией. В ней лежали моторчик, два колеса, несколько металлических пластин с отверстиями, шестеренки и горсть винтиков. Одно колесо выскользнуло у меня из пальцев, прокатилось по паркету и исчезло под банкеткой. Пришлось встать на колени и нащупать его в пыли возле стены.

Я разложила детали на листе бумаги, сделала фотографию и послала Галине Ивановне. Ответ пришел ближе к вечеру.

«Матвей говорит, все его. Особенно мотор. Спасибо большое».

Мы договорились, что я привезу коробку в понедельник после школы. На следующий день у Галины Ивановны была консультация, и она собиралась утром еще раз проверить документы.

На одной из отправленных Матвею фотографий Максим сидел в плетеном кресле на даче у друзей. Я помнила, как на обратном пути мы застряли в пробке, купили кукурузу у дороги и ели ее в машине. Максим отобрал у меня последний кусок и, когда я возмутилась, поцеловал перед открытым окном. Мы тогда были совершенно довольны друг другом.

Снимок нравился мне и теперь. Я только не знала, что происходило в нашей жизни за пределами этого удачного кадра.

Я закончила рабочий портрет и отправила Даше предварительный отбор. Из плотного картона сделала крышку для коробки с деталями: не хотелось снова терять колесо.

В четверг Галина Ивановна позвонила около полудня. Я складывала в сумку документы для собственной консультации, назначенной на вторую половину дня.

— Надежда Сергеевна, была у Михаила Олеговича. Он все посмотрел, попросил еще кое-какие бумаги. Говорит, с нотариусом тянуть нельзя, надо сейчас выяснять, где дело открывается, и подавать заявления от детей. А потом разбираться с отцовством. Он возьмется за дело, оплату можно разбить по этапам. Еще попросил сохранить переписку, документы, фотографии. Посмотреть, какие подтверждения платежей можно получить.

— У Виктора так ничего и не получили?

— Нет. Зато нашла сообщение от него. Он в марте написал, что деньги на Матвея перевел, а мне насчет квитанции за занятия с Максимом надо договориться. Я Михаилу Олеговичу показала. Он велел сохранить все как есть, целиком.

За последние дни Виктор дважды звонил, но ни словом не обмолвился о переводах. Теперь у Галины Ивановны хотя бы был адвокат, к которому она могла обратиться.

Контора Анны Михайловны находилась в старом здании возле центрального рынка. С адвокатом мы виделись на выставке. Она проводила меня в кабинет и спросила, было ли у Максима завещание и кто из ближайших родственников остался жив.

— Завещания, насколько я знаю, нет. Мама жива. Отец давно умер. Есть брат. И вот эти двое детей, о которых я узнала совсем недавно.

— Другие дети могут быть?

Я с удивлением посмотрела на нее.

— Теперь уже не знаю. Еще недавно я сказала бы вам, что у него вообще нет детей.

— Понимаю. Тогда пока исходим из того, что известно. Вы свидетельство о браке принесли?

Я достала папку. Мы разобрали документы на квартиру, копии старых договоров и сведения о бабушкином доме. Вопросов оказалось гораздо больше, чем я ожидала. Некоторые покупки Максим оформлял на себя, некоторыми занималась я, а происхождение денег теперь надо было устанавливать по старым бумагам. Даже по квартире, которую мы приобрели в браке, пришлось вспоминать обстоятельства сделки. Я достала фотографию договора аренды склада на телефоне и объяснила, что Виктор хочет впоследствии выкупить помещение. Анна Михайловна попросила уточнить, как склад достался Максиму. Я объяснила, что он получил его после смерти отца.

Она попросила переслать фотографии договора, потом взяла чистый лист и начертила схему, чтобы мне легче было ориентироваться в том, какое имущество принадлежало самому Максиму, а какое мы приобретали вместе. Бабушкин дом она вынесла за пределы схемы.

— Вы говорите, что получили его по наследству и потом жили с мужем в другом месте. По тем документам, которые вижу сейчас, это ваше личное имущество. Если появятся какие-то особые обстоятельства, разберем отдельно. Пока оснований включать дом в наследство вашего супруга я не вижу.

Я кивнула. Именно об этом хотела услышать больше всего. Если бы я успела объявить Максиму о разводе, мне все равно пришлось бы сидеть в подобном кабинете и вытаскивать из памяти сведения о покупках, счетах и ремонтах. Только муж тогда мог бы ответить на вопросы.

— А если дети действительно его? — спросила я.

— Тогда после юридического подтверждения происхождения у них появятся основания наследовать как у детей вашего супруга. Сколько именно кому достанется, пока рано считать. Сначала нужно установить состав имущества. И вашу долю в совместно нажитом имуществе не надо путать с долей в наследстве.

Она еще некоторое время объясняла мне порядок действий. Я записала самое важное, потом спросила, должна ли каким-то образом участвовать в установлении отцовства Максима.

— Смотря какое дело будет возбуждено. Вас могут привлечь к участию в нем, поскольку результат затрагивает ваши права. Когда получите документы, принесите мне. До этого нет необходимости давать кому-либо обещания. И еще: вы уже с бабушкой детей договорились, что будете помогать ей оплачивать адвоката?

— Нет. Она сама сейчас с ним договаривается.

— Хорошо. У нее свой представитель, у вас свой. Если захотите чем-нибудь помочь, можете, но не берите на себя ее обязанности. Не отдавайте оригиналы документов, которые относятся к вашему имуществу. Ну и не подписывайте предварительные соглашения с братом мужа, пока мы не изучим условия.

Мы закончили разбирать бумаги, я оплатила консультацию и вышла на улицу. Хотелось позвонить кому-нибудь и сообщить, что бабушкин дом остается у меня. Смешное, в общем-то, известие: он и до этого был моим.

По дороге домой я записалась к нотариусу. В пятницу после приема сообщила Галине Ивановне, кто занялся наследственным делом, чтобы она передала сведения адвокату.

В выходные я перенесла в дом компьютер, внешний диск, часть одежды и посуду. На кухне наконец появился синий чайник. Электрик заменил розетку возле рабочего стола, и я устроила себе место для обработки фотографий.

Вечером в воскресенье позвонила Лидия Павловна.

— Надюш, я завтра хотела к тебе приехать. Витя сказал, что у тебя электрик был. Сделали все?

Я сообразила, что Виктор, которому накануне не удалось до меня дозвониться, не знал, где именно мне меняли розетку.

— Сделали. Только я не в квартире, Лидия Павловна. Я сейчас в бабушкином доме живу.

— Ну Надь, там тебе и в магазин идти, и снег потом чистить. Ты одна-то как будешь?

Я объяснила, что отопление исправно, а до магазина недалеко.

— Витя мне комнату предлагает, где внуки раньше спали, — продолжила она. — Говорит, оставайся до зимы. Я иногда думаю, может, мне у тебя лучше пожить? Ты в городе, я в городе. Вдвоем нам как-то спокойнее было бы.

В другое время я бы согласилась. Представила бы, как свекровь тяжело засыпает одна, освободила бы для нее шкаф, а потом начала бы заново договариваться с Дашей о времени съемок.

— У меня здесь пока ремонт, — сказала я. — И работать я собираюсь дома. Боюсь, вместе жить нам будет неудобно. Но можем встретиться на неделе, я вас навещу.

Она ответила коротким «как хочешь». Я спросила, купил ли Виктор ей лекарство, и предложила встретиться во вторник.

Отказывать свекрови было неприятно. Она действительно потеряла сына. Но я слишком хорошо представляла, какой станет моя жизнь, если мы поселимся вместе, пусть и в другом доме.

В понедельник я открыла рабочую почту и увидела письмо Корнева. Он предложил приехать во вторник после обеда: в этот день мастера должны были устанавливать часть деревянной обшивки на втором вагоне. Кроме того, Андрей посмотрел предварительные фотографии, которыми Даша поделилась с ним, и попросил обратить внимание на два снимка. На одном была плохо видна оконная ручка, а на другом из-за блика почти пропала надпись на борту.

Я увеличила кадры и поморщилась. Блик оказался действительно досадным. На небольшом экране камеры он выглядел не таким заметным. А ручку я сняла с неудачной стороны: собственная тень легла ровно на ту часть, ради которой Борис Ильич и показывал мне образец.

Я ответила, что пересниму оба кадра. Андрей подтвердил время и добавил, что предупредит мастеров.

К Беловым я поехала после четырех. Галина Ивановна открыла дверь с телефоном в руке, закончила разговор и позвала меня в прихожую.

— Из школы справку никак не получу, — пояснила она. — Михаил Олегович сказал, пригодится. Да ладно, сделают.

Я сказала, что привезла коробку Матвею, и Галина Ивановна его позвала. Мальчик появился почти сразу. На нем была школьная рубашка с расстегнутым воротником, в руках он держал карандаш. Я достала коробку, закрытую картоном и перевязанную широкой резинкой.

— Проверь, все ли на месте. Я на пол одно колесо уронила, но нашла.

Матвей снял резинку, заглянул внутрь и улыбнулся. Потом взял моторчик, внимательно осмотрел провода и пошевелил пальцем металлический вал.

— А вот эту штуку папа обещал поменять. Тут крутится плохо. Я думал, он ее вообще выбросил.

— Нет. Она в столе у него лежала.

— Я сам попробую теперь. У меня отвертка есть.

— Бабуль, мне еще две батарейки надо, — сказал он, обернувшись к Галине Ивановне. — Только не из фонарика, я помню.

Он повернулся ко мне.

— Спасибо, Надежда Сергеевна. И за фотографии тоже. Бабушка одну заказала, ей завтра привезут.

— А у вас есть, где папа маленький?

Детские фотографии Максима хранились у Лидии Павловны. Несколько снимков я сканировала для ее юбилейного альбома. Надо было поискать на старом диске.

— Попробую найти, — пообещала я.

— Ну хоть на пять минут зайдите, — предложила Галина Ивановна, когда Матвей унес коробку. — Я вам кое-что покажу, раз приехали. Только на кухне.

Она достала телефон дочери. Старый аппарат в прозрачном чехле был исцарапан по краям, на задней крышке виднелась наклейка в виде полумесяца. Галина Ивановна объяснила, что адвокату понадобятся некоторые материалы с этого телефона, а сама она не умеет сохранять их так, чтобы ничего не потерять. В переписку мы лезть не стали. Я показала ей, как сделать копию нескольких фотографий, которые она уже отобрала для юриста, и предложила дальше попросить Михаила Олеговича объяснить, что именно ему требуется.

Пока файлы отправлялись, на экране появилась фотография с детского праздника. Соня сидела за столом в платье цвета молодой травы, на голове бумажная корона. Перед ней стоял торт с четырьмя свечами. Кира наклонилась к дочери, придерживая распущенные волосы рукой. Максим сидел рядом с Матвеем, в синем джемпере, который я очень хорошо помнила.

Джемпер я купила ему на распродаже. Он сначала отказался примерять, сказал, слишком яркий цвет, а потом носил почти каждую неделю. Манжета на правом рукаве была чуть растянута, потому что Максим любил засовывать под нее часы.

— Это когда снято? — спросила я.

Галина Ивановна всмотрелась в фотографию.

— Позапрошлой осенью. Соне четыре исполнилось. У нас дома отмечали, а в садик потом конфеты понесли. Кира тогда еще жива была, конечно.

Она открыла сведения о снимке. Я увидела ноябрьскую дату, взяла свой телефон и нашла переписку за тот день. Максим собирался к знакомому на встречу с поставщиками. Говорил, человек специально приехал из другого города и неудобно переносить разговор на завтра. Он предупредил, что вернется поздно, и попросил не оставлять ему ужин. Я в ответ написала, что купила его любимые сырники и уберу в холодильник.

Теперь выяснилось, что вечером ему подавали торт.

— Надежда Сергеевна, может, не надо вам сейчас все это смотреть? Я ведь эти снимки не для того собираю, чтобы вы себя мучили.

— Не для того, — ответила я. — Вы их для суда собираете. А мне куда девать то, что я теперь знаю?

Она опустила голову. Я злилась на нее за то, что она могла ответить мне, каким был Максим на детских праздниках, а я не могла. Но не было смысла требовать у нее объяснений поступков моего мужа.

Соня выбежала из комнаты в одном носке и с интересом посмотрела на мои руки.

— А мне ничего не принесли?

— Сегодня нет.

— Матвею принесли.

— Это его старая вещь. Он ее у папы забыл.

— А мои вещи у папы есть?

— Пока не нашла.

— У меня там ничего не было, — серьезно объявила она после недолгого размышления. — Я у папы на работе не была. Матвей был, а я нет. Мне бабушка обещала новые фломастеры купить, а не купила.

Галина Ивановна напомнила, что купит фломастеры в четверг, и девочка убежала искать второй носок. Я попросила больше не показывать мне фотографии без необходимости.

Мы простились. Матвей выглянул из комнаты и еще раз поблагодарил меня за детали. Я махнула ему рукой и вышла на лестницу.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, купив полную легальную версию на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.